

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

УДК 323.284 (470.6)

Лукиенко Андрей Иванович

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ НА ЭВОЛЮЦИЮ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматриваются факторы культурно-идеологического характера, влияющие на рост напряженности в северокавказском регионе. Особое внимание уделяется феномену религиозного возрождения, сыгравшему ключевую роль в социокультурном развитии Северного Кавказа в постсоветский период.

Ключевые слова: религиозное возрождение, религиозный радикализм, экстремизм, ваххабизм, террористическое подполье.

Lukienko Andrey Ivanovich

THE RELIGIOUS REVIVAL AS A REASON OF SOCIO-POLITICAL TENSION IN THE NORTH CAUCASUS

The culture-ideological factors that affect the growth of tension in the North Caucasus region are discussed in the paper. Particular attention is paid to the phenomenon of religious renaissance which has played a key role in socio-cultural development of the North Caucasus in the post-Soviet period.

Key words: religious renaissance, religious radicalism, extremism, wahhabism, terrorist underground.

Северный Кавказ – наиболее проблемный регион в Российской Федерации с точки зрения этнополитической напряженности, экстремистской и террористической активности. В результате мощных, почти неконтролируемых процессов этнорелигиозного ренессанса актуализировались такие деструктивные явления, как радикальный этнический национализм и экстремизм в религиозной сфере, которые дестабилизируют ситуацию на Северном Кавказе в течение последних двух десятилетий, не позволяя в полной мере реализоваться позитивным тенденциям в развитии региона. Вместо решительного модернизационного прорыва в действительной жизни региона все отчетливее проявляется то, что лучше всего назвать системным кризисом.

Системный кризис на Северном Кавказе обусловлен последствиями распада Советского Союза, а именно: ослаблением властной вертикали, возникновением националистического сепаратизма, утратой прежних мировоззренческих идеалов и ориентиров, возникновением идеологического вакуума, несформированностью общероссийской цивилизационной идентичности. Данные обстоятельства создали напряженность в регионе и стали очагом возгорания межэтнических и межконфессиональных противоречий. В результате роста терроризма и экстремизма указанные выше факторы создали основу, при которой этнополитические и этноконфессиональные конфликты приобрели существенную динамику.

Важным аспектом исследования напряженности на Северном Кавказе является культурно-идеологический фактор, к его проявлениям прежде всего следует отнести феномен религиозного возрождения, ставший одной из наиболее знаковых тенденций развития постсоветской России. Следует отметить, что в Советском Союзе религия фактически находилась под запретом, вследствие чего процент верующих существенно снизился, а роль религии в целом значительно ослабла. За последние двадцать лет позиции религии в России в значительной степени были восстановлены, религиозный фактор стал достаточно значимым в ряде сфер общественной жизнедеятельности, в том числе и в сфере образования.

Необходимо отметить, что религиозное возрождение не оказало существенного влияния на модернизированные части Российской Федерации, а в традиционалистских регионах, в частности на Северном Кавказе, оно стало важнейшим фактором развития многих процессов, большая часть из которых не способствует решению многочисленных проблем региона. «Религиозная пропаганда,

направленная в первую очередь на молодежь, вместе с приобщением их к основам веры, к исламской культуре, нравственности, одновременно формировала косный догматический тип мышления, авторитарно-консервативные, традиционалистские стратегии социального поведения» [10, с. 93]. Подобные установки сознания во многом определяют демодернизационные тенденции в развитии северокавказского социума, становятся шлагбаумом на пути реальных социально-политических преобразований.

Религиозное возрождение повлияло на рост и последующую радикализацию этноконфессиональной идентичности, что способствовало обострению ситуации в Северо-Кавказском регионе. Сегодня этноконфессиональная идентичность становится основой самоопределения и поведения как отдельных субъектов, так и целых социальных групп.

О значимости религии для жителей Северного Кавказа говорят результаты исследования, которое проводилось в 2009 году на территории четырех субъектов бывшего ЮФО: в Ставропольском и Краснодарском краях, а также в республиках – Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии [8]. Конфессиональная идентичность для молодых жителей Юга России является весьма значимой. Как «очень важную» или «важную» ее определили 76 % респондентов. Это третье место в «рейтинге идентичностей» молодежи Юга России, и меньшая выраженность этого вида идентичности обусловлена тем, что христианская часть Юга России достаточно секуляризирована [1, с. 21].

Воздействие процессов религиозного возрождения на радикализацию ислама в Северо-Кавказском регионе очевидно. Подводя итоги процесса исламского возрождения в Дагестане, можно назвать основными его результатами: «рост религиозного самосознания, религиозной идентичности, восприятие себя не просто определенной этнической группой, а частью гигантской мусульманской цивилизации; огромный рост числа мечетей, возрождение исламской обрядности; формирование системы исламского образования, включающей в себя учебные заведения начального, среднего и высшего звена; медленное восстановление исламской духовной элиты; восстановление прерванных связей со своими зарубежными единоверцами; политизация и радикализация ислама, распространение идеологии исламского радикализма» [5, с. 178].

Очевидно, что религиозный радикализм является наиболее опасным следствием абсолютизации этноконфессиональной идентичности, произошедшей в результате религиозного возрождения. Говоря о религиозном радикализме, следует отметить, что как явление внутриконфессиональное (сектантство) он означает притязания религиозной группы или течения на олицетворение чистоты веры и догматическую непримиримость к иным толкованиям данного вероучения. Как явление общественно-политическое (фундаментализм) он означает требование строить и регулировать всю общественную практику в полном соответствии с религиозными предписаниями. В то же время религиозный экстремизм представляет собой совокупность действий, направленных на воплощение в жизнь конфессиональных и социально-политических установок религиозного радикализма (сектантства и фундаментализма), если они осуществляются в нарушение Конституции и законов Российской Федерации [4].

Наиболее ярким выражением религиозного радикализма и экстремизма на Северном Кавказе является такое течение, как неоваххабизм. В основу его идеологии заложена религиозная дискриминация и призывы, направленные на возбуждение вражды против «неверных». Для представителей этого религиозного направления к таковым относятся все те, кто не разделяет их взглядов, то есть последователи всех без исключения не только религиозных, но и идеологических течений.

Любая форма реализации социально-политического устройства, если в ее основе не лежит шариат, как его представляют неоваххабиты, является «неверием». «Неверие» – это «правление и суждение не на основе ниспосланного Аллахом». «Неверием» объявляется и любая человеческая законотворческая и нормотворческая деятельность. «Неверие» – «притязание на право издавать законы, разрешать и запрещать» [3].

Становится очевидным, что эскалация экстремизма и терроризма в ряде северокавказских республик напрямую связана с действиями носителей идеологии радикального ислама – неоваххабитами (салафитами). Подтверждением этого могут служить регулярные проявления террористической активности. Так, например, 28 августа 2012 года, террористкой-смертницей был взорван Шейх Саид Афанди Чиркейский – самый влиятельный суфийский шейх на Кавказе, устаз Накшбандийского и Шазалийского тарикатов. «Значение этого убийства для Дагестана и вообще мусульман Кавказа, как Северного, так и Южного, можно сравнить со значением убийства Папы Римского для христианской Европы. Только не современного Папы. А Папы шестнадцатого века, эпохи Рефор-

мации. Когда глава Римско-католической церкви обладал реальной политической и экономической властью, а сам западно-христианский мир был расколот конфессиональной войной. И для одних Понтифик являлся наместником бога на Земле, а для других – еретиком и наместником Ада» [2].

Подобные аналогии вовсе не случайны. Сегодня в Республике Дагестан идет настоящая религиозная война, в которой экстремистская группировка неоваххабитов (т. н. салафитов) хладнокровно расправляется с виднейшими представителями традиционного российского ислама. Эту войну можно трактовать как борьбу за определенную интерпретацию исламского вероучения. Одни – неоваххабиты – видят в исламе агрессивную религиозную систему, адепты которой призваны самим Аллахом к уничтожению (часто физическому) своих оппонентов и в первую очередь из числа мусульман. Другие – суфии – интерпретируют ислам как религию мира и добра, призывают к межконфессиональному диалогу, твердо отстаивают территориальную целостность Российской Федерации. В этих условиях федеральные и региональные органы власти должны обеспечить безопасность крупнейших религиозных лидеров Дагестана и других северокавказских республик, в противном случае настанет момент, когда никто не отважится противоречить утверждениям неоваххабитов, которые будут претендовать на все большую духовную власть в регионе.

Важно отметить, что идеи религиозного радикализма и экстремизма находят наибольший отклик в молодежной среде. Как отмечает Р. Г. Ланда, главный секрет успеха фундаменталистов (впрочем, относительного почти на всем постсоветском пространстве) – их ставка на молодежь [7]. Основная предпосылка радикализации северокавказской молодежи – глубокая религиозность, привитая им с детства. Как показывают данные социологических опросов, выросло целое поколение, основой мировоззрения которого выступает религия. Подавляющее большинство участников современного террористического подполья на Северном Кавказе составляют 15–20-летние молодые люди, которые сильно отличаются по своим идейным установкам от поколения 25–30-летних, придерживающихся более светских и умеренных взглядов [8, с. 67].

В этой связи следует отметить, что наличие террористического подполья является существенным фактором, способствующим распространению неоваххабитского учения, идеологии экстремизма и терроризма на территории Северо-Кавказского региона. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что решение всего комплекса проблем, создающих этнополитическую напряженность на Северном Кавказе, невозможно до тех пор, пока неоваххабитская идеология будет не только духовно питать подполье, но и способствовать пополнению его рядов за счет «уловленной» молодежи. Действительно, обладание мощной идеологической базой дает возможность террористическому неоваххабитскому подполью увеличивать количество своих приверженцев – как активно действующих членов террористических групп, так и «симпатизирующих» среди населения республик. Данное обстоятельство говорит о том, что пока не удалось создать эффективных методов и инструментов для противостояния ваххабитскому влиянию.

В этих условиях одним из реальных инструментов противодействия аксиологической агрессии со стороны религиозного экстремизма и религиозно-политического терроризма может стать разработка и реализация масштабной культурно-идеологической стратегии, главной целью которой будет формирование единого социокультурного пространства России и Северного Кавказа, когда дезинтегрирующие факторы неизбежно должны утратить свою деструктивную силу, стать периферийными. Важно отметить, что реализация интеграционной стратегии не будет означать устранение специфических черт отдельных культур, растворение их в унифицирующем социокультурном пространстве. Данные различия сохранят свое значение, однако в рамках стратегии интеграции они не будут восприниматься в качестве высшей ценности, не будут иметь приоритета над консолидирующими принципами общероссийского социокультурного пространства, поскольку стратегия интеграции фундируется на формировании цивилизационной идентичности, того вида идентичности, который только и способен обеспечить национальное единство Российской Федерации, сделать эффективной культурную стратегию России на Северном Кавказе.

Литература

1. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 21.
2. Ангел смерти пришёл за Дагестаном? Кто стоит за убийством шейха Саида Афанди Чиркейского. URL: <http://www.chechenews.com/developments/8947-1.html>

3. Бобровников В. О. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. № 2(50). 2007. С. 169.
4. Боров А. Х. Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В. А. Тишкова. – М.: «Росинформатика», 2008. 264 с.
5. Добаев И. П., Мурклинская Г. А., Сухов А. В., Ханбабаев К. М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе / под ред. И. П. Добаева. Ростов-н/Д.: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. 218 с.
6. Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М.: Изд-во «Восточная литература», 1995. С. 244.
7. Матишов Г. Г., Котеленко Д. Г., Авксентьев В. А. и др. Религиозный фактор и проблемы безопасности Юга России. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 66–67.
8. Религиозный фактор и проблемы безопасности Юга России. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 93.

УДК 39:070:316.346.2-005.2«18-19»

Нестерова Валерия Львовна

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ ЖЕНЩИНЫ НА РУБЕЖЕ XIX XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

В статье рассматривается история женского отечественного движения, борьбы женщин за гендерное равноправие по материалам периодической печати конца XIX – начала XX вв. В работе показано, как в результате высоких темпов модернизации, смены общественного сознания изменяется и социальный портрет женщины. Отмечена динамика социальной роли женщины от домохозяйки: замкнутой в пространстве семьи, к общественно-активной, созидающей социальные блага и стремящейся к равноправию с мужчиной.

Ключевые слова: история женского движения, отечественная периодическая печать, социальные роли женщины, женский вопрос.

Nesterova Valeriya L'vovna

THE TRANSFORMATION PROBLEM OF THE WOMEN'S SOCIAL ROLES AT THE TURN OF THE 19TH AND THE 20TH CENTURIES (BASED ON THE DOMESTIC PERIODICALS)

This article deals with the history of women's national movement, women's struggle for gender equality on the periodical press of late XIX – early XX centuries. It shows the change of woman's social portrait as a result of high rates of modernization, change of social consciousness. You can see the dynamics of the social role of women from housewives in the closed space of the family to a socially active, creative social benefits and tending to equality with men.

Key words: history of the women's movement, the domestic periodicals, social roles of woman, women's issue.

Исследование женского движения, проблема трансформации социальных ролей женщины через призму периодической печати начала XX века весьма актуальны. Следует отметить, что в качестве источников по данной проблеме выступают преимущественно «женские журналы». Именно на страницах периодических изданий конца XIX начала XX вв. как транслятора общественной мысли, состояния социума отражены изменения социальной роли женщины.

Во второй половине XIX в. Россия вступает в бурный процесс модернизации, который был обусловлен либеральными реформами 60–70 гг., ставшими толчком к капиталистическому развитию. С отменой крепостного права трансформируется рынок свободной рабочей силы, что благоприятно влияет на промышленное развитие. К этому времени в России завершается формирование специализированных производств, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. На Урале сосредоточилось металлургическое производство, в Московской области – текстильная промышленность, добыча бурого угля, в Петербурге – машиностроение. Это свидетельствует о мощном развитии внутригосударственной торговли, создании единого рынка. Слаженная банковская система, мощное железнодорожное строительство позволило России на рубеже XIX–XX вв. вывозить капитал из страны.

Таким образом, в начале XX столетия Россия – среднеразвитая капиталистическая страна, пятая в мире, четвертая в Европе по объемам производства и первая в мире по темпам экономического развития.